

30 мая 1979

МАТЕРИК МАСТЕРА

— Леониду Леонову — 80 лет —

НА ЗАРЕ советской литературы автора «Соти», «Вора» и «Барсуков» причисляли к так называемым попутчикам. Не берусь судить, насколько сие справедливо, хотя в самом-то слове этом нет ничего порицательного, если иметь в виду, что писателю Леониду Леонову всегда было по пути с Советской властью. Ей отдаст он все свои душевные ресурсы, все свои удивительные творения он посвящает Октябрьской революции, которую считает актом величайшим в истории не только России, но всего человечества. Больше того: завоевания Октября он защищал с оружием в руках, был бойцом 15-й стрелковой дивизии, штурмовавшей Перекоп, там из-под его пера явились даже стихотворные строчки:

Генералов песня спета.
Бьем барона прямо в лоб.
Знамя Красное Советов
Понесем за Перекоп.

Об истоках революционного оптимизма Л. Леонов скажет много лет спустя в своей статье «Бессмертие»: «То была пора гнева и предельной материальной скудости, но мы были богаче всех: неразменные червонцы юности звенели в наших песнях. На восьмью человек печатников и ездовых в моей крохотной походной типографии приходилось две табачки, три шинели да кожаная куртка, одна; остальные шли пешком, кутаясь во что придется или даже накрывшись одеялом от морозного сивашского сквозняка. Но нам было тепло, — люди грелись тем зноем, который несли в себе; его хватало и на то, чтобы отогреть уставших...»

Ему бесконечно дорога пришедшая с Октябрем и Лениным новь — вовсе не случайно один из ранних своих романов, принесших автору широчайшую известность, он завершает фразой, исполненной глубочайшего смысла: «...изменился лик Соти и люди переменились на ней». Новь эта, повторю, дорога ему чрезвычайно, потому-то Леонов и бывает суров, яроsten и нетерпим в случаях, когда встречается с явлениями, враждебными и противными этой новь, — в частности, писатель нередко обрушивает всю мощь своего слова, своего авторитета против тех, кто под предлогом борьбы со старым посягает на ценности, которые еще долго будут служить добрую службу нашему социалистическому обществу на зрелой стадии его развития. Жизненно необходимо, говорит он, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие. Надо, говорит он далее, «сознания наших «отроков и отроковиц», что сегодня есть лишь промежуточное звено между вчера и завтра, что все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений, пуская закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вистую, а посмертно взирающих нам влогонку. Существуют некоторые и другие связи между поколениями — кроме социально-экономической преемственности, только забвением этого родства объясняется, что иная холодовая шуха ищет себе за границей глубинку посытней... И дальше уже из самых сердечных глубин вырывается сыновнее признание: «И кроме налагаемой ответственности, какая радость заключена в безотчетном ощущении суровых, немигающих глаз, провожающих тебя в неизвестность будущего!»

Отстаивая право нашей истории на участие в творении сегодняшнего и завтрашнего дня Родины, Леонов пристально следит за будничными делами своих соотечественников. Радуюсь тому, чему сель-

зя не радоваться, он на протяжении многих лет поднимает свой гневный меч в защиту зеленого друга. Делает он это и в своих монументальных полотнах, и в газетных статьях, отмеченных такою же испепеляющей страстью и неотразимой убедительностью. Необходимость в скорой, неотлагательной помощи родной земле повелевает Леонову на время оставить работу над большим романом и прибегать к иному оружию из его богатого арсенала, — тогда он выступает как публицист, равный которому едва ли отыщется.

В пору своей молодости он отправляется на юго-восток страны, где сразу же после гражданской войны объявился враг, может быть, страшнее басмачей, — несметные полчища саранчи, пожиравшей с чудовищной быстротой зеленые ризы земли. Давным-давно в моих руках побывала тоносенькая книжица под названием «Саранча», отпечатанная на плохонькой, какой-то серовато-желтой бумаге, под цвет гнусного насекомого, оказавшегося главным «геро-ем» книжки. Но и теперь помню ее, хотя с той далекой поры ни разу не перечитывал; помню, потому что был сильно и больно обожжен словами, клекотавшими там. Кажется, это было чуть ли не первым выступлением писателя в защиту «зеленого друга». Теперь он, Леонов, будет его волонтером на всю долгую, насыщенную неутомимым и неутомимым творчеством жизнь. При этом писатель как бы говорит: обокрасть своего современника — это гнусно, но еще гнуснее обокрасть далекого потомка, который ничего не ведаст, ничего не знает и не может вступить за себя. Защитить его — значит защитить будущее нашей Родины, и сделать это обязаны мы, ныне здравствующие поколения, — такова философия «Русского леса» и многих других произведений писателя. Полагаю, что художник должен испытывать глубокое удовлетворение по поводу того, что его тревоги, его боль передались миллионам, и теперь уже в глобальном масштабе люди задумались над тем, как сохранить для себя и грядущих поколений биосферу нашей праматери Земли.

Великое леоновское мастерство общеизвестно. Леонов и Мастер — слова-синонимы для нас. Право, мы затруднились бы назвать тут другого художника, который вот так же, по-леоновски, изнурил и даже истязал бы себя в вечных поисках наисовершеннейшей формы для своих произведений. Поэтому есть немалый соблазн предположить, что такой человек мог бы не худо чувствовать себя в мире чистой поэзии, то есть быть добровольным узником пресловутой башни из слоновой кости, где можно начисто отключить себя от всех мистических тревог и целиком отдаться техническим словесным изыскам. Вместе с тем ничего не было бы нелепее такого предположения, если иметь в виду именно Леонида Леонова. Попросту говоря, Леонову-гражданину до всего есть дело. Отточенный до ослепительного сияния грозный меч мастера он немедленно и безжалостно обрушит на тех, кто угрожает человеческим ценностям.

На нашествие уже не с юго-востока, а с запада на восток двуногой саранчи, несшей не-

слыханные опустошения родной нашей стране, писатель тотчас же откликнулся своим «Нашествием», дошедшим с молниеносной быстротой до сердца народного и задевшем за самые живые его струны. Создание этого произведения было актом в высшей степени патристическим. Когда же окончилась великая война и страна наша вернулась к делам мирным, созидательным, резким и злобным диссонансом наступившей тишине прозвучала фултонская речь Черчилля. Леонов вновь, как делал это не раз, отодвигает на время в сторону работу над большой книгой и пишет свой знаменитый памфлет «Жаба», исполненный жгучего и благородного гнева: великолепный Мастер и замечательный гражданин выступили тут с одинаково непревзойденной силой.

Ну, а теперь прервемся на минуту и послушаем самого Леонова, послушаем про то, как он сам-то думает о писательском призвании, о том, что для него означает форма произведения и что — содержание. Беру слова из его речи на форуме европейских писателей в Ленинграде 6 августа 1963 года:

«В искусстве можно как угодно, с одним лишь условием — чтобы было хорошо. Форму диктует практическая цель художника, гавань назначения, которую всякий серьезный мастер должен предвидеть наперед. Таким образом, дело не в бутылке, а в вине, которое мы, литераторы, в нее наливаем».

Тогда нам не придется изгонять из литературы прекрасную и бессмертную человеческую тему, осуществлением которой только и мерится гений художника... Слава человеку!»

В заключение писатель попросил своих слушателей не судить его «за чрезмерную настойчивость доводов, потому что еще более, чем вас, мне требовалось убедить и самого себя в примате гражданина над художником».

Должно заметить, что художник Леонид Леонов давно убедил себя в этом, а своими созданиями — и нас, его читателей. Он пришел в литературу юношей, но с неюшеским пониманием ответственности, каковую несет человек вместе с писательским званием. Он пришел в литературу для того, чтобы занять в ней свое, принадлежащее только ему место. Самый трудный и реже всего увенчивающийся победой поиск — поиск себя, то есть своего «я», — для Леонова-писателя был на удивление коротким. Иногда даже думается: а был ли Леонид Леонов «молодым», «начинающим», «подающим надежды», «многообещающим», — говоря иначе, проходил ли он когда-нибудь через период осторожного и снисходительно-скептического ожидания старших, как проходил его почти все отжившиеся статьи на литературную стезю люди? Не верится, чтобы это было так, ибо после появления уже третьего крупного произведения его автор получил отзыв, от которого могло бы захватить дух и у маститого. Человек, к которому тогда прислушивался весь просвещенный мир, торопился поделиться своей радостью:

«Дорогой Леонид Максимович, вчера прочитал «Сот», очень обрадован — превосходная книга! Такой широкий, смелый шаг вперед и — очень

далеко вперед от «Вора», книги, кою тоже весьма высоко ценю». И далее строки, которых достало бы на то, чтобы увидеть с предельной ясностью, что же есть такое Леонов в русской советской литературе: «Анафемски хорош язык, такой «кондово» русский, яркий, басовитый, особенно — там, где Вы разыгрываете тему «стихий», напоминая таких музыкантов, как Бетховен и Бах».

Симфоническая стройность виделась Горькому и в том, как выстроилось все произведение, и в том, как звучит в нем отдельно взятая строка.

«Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда».

Простые, сотни и тысячи раз слышанные прежде слова! Отчего же не производили они на тебя такого же освежающего, электризирующего действия раньше? Оттого, вероятно, что не были поставлены в такой ряд и в такой относительно друг к другу, что не стали кивались и не высекали искры, о которую обожгло твое сердце. Такое волшебство дается лишь истинному художнику.

Мы можем читать все подряд написанное Леоновым — будь то роман, повесть, пьеса, статья или даже частное письмо, — и не перестанем удивляться поразительной яркости языка, каковой мы теперь уж называем просто леоновским. Из опыта Леонова, из его работы с русским словом, о чем приходилось и писать, и говорить много раз, мы могли бы сделать еще один, чрезвычайно важный уже в более широком смысле вывод: если мы считаем закономерным, естественным, а значит, и плодотворным явление, которое именуем как преемственность поколений, то должны были бы признать закономерной и плодотворной преемственность и нашего родного русского слова, уходящего корнями в глубины веков и восходящего к тем далеким временам, где зарождалось, начиналось то, что дало нам основание называться Россией и вкладывать в это слово бесконечно много.

Леонову по-сыновьи дорого славное прошлое его Родины, хотя он и отдаст себе полный отчет в том, что, как он говорит, «одним воспоминанием прошлого не проживешь». Старина любит красоваться в раме могучей современности, и сколько на нашей памяти взяло слав былых, не поддержанных деяниями потомков. Плохо бывает не успешным включиться в стремительный геркулесов поток. Громадные империи уходят в пучину, как разломленные на штормовой волне старомодные корабли, — даже надменные религии пытаются пристроиться к ритму текущей жизни. Время от времени врываясь в застойные будни, новые, высшей целесообразности идеи порождают гигантские события, — они переплывают карту мира, разоблачают мнимое благообразие прежнего уклада, ускоряют бег технического прогресса: так было и с нашей страной. Неторопливые историки, когда придут на смену нетерпеливым нынешним летописцам, подведут окончательный баланс совершившимся преобразованиям с учетом и материальных достижений, выдвинувших нашу державу на полупервейшее индустриальное место».

Отлично понимая это и предупреждая об этом нас, его современников, а также тех, кто придет нам на смену на этой земле, Леонов, однако, предупреждает и о другом, о том, что, как бы ни был прекрасен и величествен день сегодняшний твоего Отечества, он нуждается в опоре дней минувших. И чем грознее время, чем суровее испытания, тем больше нужна в такой опоре. Поэтому известную народную поговорку относительно того, что надобно всегда держать порою сухим, Леонид Леонов рассматривает прежде всего с точки зрения народного духа, который, может быть, прежде всего и под самыми надежными замками надо охранять. И поскольку родной язык входит далеко не самой малой частью в кладовую наших духовных ценностей, то и забота о нем составляет немалую долю леоновских тревог.

Говоря иначе: работа с русским словом — дело в огромной степени патристическое. Во всяком случае так и понимали его великие и мудрые предшественники наши на ниве просвещения, а стало быть, и на литературной ниве. Так понимает его Леонид Леонов, наш современник и соотечественник, яроsten защитник и трубадур родной речи, писатель, готовый в любую минуту тревожно, набатно забить в рельс, когда русскому языку угрожает опасность. Для Леонова (хорошо, если бы и для всех нас!) русский язык есть величайшее народное достояние, за которое следует бороться, помужествовать на брачном литературном поле, что он и делает всякий раз, когда по злому или незлomu (что не легче!) умыслу иные радители пытаются «упростить», «облегчить», стерилизовать, обескровить русский язык, лишить его живительных родниковых струй, вливающих непрерывно из народной речи. Мы еще не полностью оценили подвиг Леонова только на одном этом поприще. Думается, у наших потомков, у благородных и благодарных наследников, для этого достанет и времени и благоразумия. Русский язык помог Леониду Леонову сотворить целый материк, плотно заселенный удивительными людьми — творцами всего сущего на планете. Оттого-то он так и дорог писателю.

Мы начали с того, что Леонов, ставши на литературную стезю, прекрасно понимал, какую нелегкую ношу берет на свои плечи. И, сознавая это, накапливая обширнейшие познания мира сего, он одновременно запасался и великим, необычайным терпением и трудолюбием. Как-то в беседе с нами он сказал: «Я пишу каждый день». От себя добавим: шестьдесят лет — каждый день. Это его творческие будни. Для него — тяжкие дни и ночи изнурительного, подвижнического труда, для нас — праздник от встречи с изумительными образцами настоящего искусства. А может быть, для него тоже праздник? Муки созидания, муки творчества — не самые ли они сладкие для настоящего художника? Для Леонова творчество — не мгновенная вспышка, не наитие, а постоянное горение, которое он поддерживает все новым и новым горючим материалом, то есть изучением предмета изображения; об этом предмете Леонов-писатель должен знать во много раз больше того, что затем потребует ему для строительства самого здания, для написания книги.

Недавно в журналах «Наука и жизнь» и «Москва» появились фрагменты из нового романа Леонида Леонова; судя по всему, работа над новым художественным полотном приближается к своему завершению: так-то неутомимый мастер встречает свое восьмидесятилетие!

Завидная судьба! Прекрасная биография!

Михаил АЛЕКСЕЕВ.